

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С50

Zadie Smith

NW

Copyright © Zadie Smith 2012

Фото автора © Dominique Nabokov

Перевод с английского

Григория Крылова

Разработка оформления и дизайн обложки

Марины Дорошенко

Смит, Зэди.

С50 Северо-Запад / Зэди Смит ; [перевод с английского Г. Крылова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-112048-1

Лондон, начало века. Среди нестабильности, бедности и упадка Ли, Натали, Феликс и Натан, родившиеся в нищем районе под названием Колдвелл, пытаются отыскать свое место в жизни. Куда приведет их борьба с самими собой и с городом, который способен перемолоть даже самых сильных?

«Северо-Запад» — сложный, стилистически безупречный роман Зэди Смит, одной из важнейших английских писательниц нашего времени.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112048-1

Посвящается Келлас

Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто
дворянином был тогда?

Джон Болл

ПОСЕЩЕНИЕ

1

Жирное солнце висает на телефонных мачтах. Антивандальная краска на воротах школы и фонарных столбах приобретает какой-то дьявольский оттенок. В Уиллздене люди ходят босиком, улицы становятся европейскими, все подвержены мании есть на улице. Она держится в тени. Рыжеволосая. По радио: «Я единственный автор словаря, в котором дается определение меня». Хорошая строка — записать ее на заднике журнала. В гамаке, в саду подвальной квартиры. Обнесенном со всех сторон забором.

Через четыре сада мрачная девица на третьем этаже кричит по-англосаксонски на никого. Балкон Джульетты растянулся на мили. Все не так. Нет, все не так. Не начинай этого. Окурок в руке. Мясистый, красный, как омар.

Я единственный¹

Я единственный автор

Я единственный автор

Карандаш не оставляет следов на страницах журнала. Где-то она читала, что от глянца — рак. Все знают, не должно быть так жарко. Сморщенный бутон и ма-

¹ В английском оригинале здесь обыгрывается омофония слова sole («единственный»), которое имеет еще значение «подшва», кроме того, по звучанию с sole совпадает и другое слово — soul («душа»).

ленькие горькие яблочки. Птицы поют не те мелодии на не тех деревьях слишком рано не по сезону. Не смей начинать, черт возьми! Посмотри наверх: обгоревший живот девицы лежит на перилах. Мишель любит говорить: не каждого можно пригласить на вечеринку. Не в этом веке. Жестокое мнение — она его не разделяет. Не всё делят в браке. Желтое солнце высоко в небе. Голубой крест на белой палке, ясный, отчетливый. Что делать? Мишель на работе. Он все еще на работе.

Я
единственный

Пепел падает в сад внизу, за ним следует окурок, за ним коробка. Громче птиц, поездов и трафика. Единственный знак вменяемости: крохотное устройство в ухе. Я ему сказала, чтобы он ничего этого себе не позволял. Где мой чек? Она мне дышит в лицо своим разговором. Свобода ебаная.

Я единственный. Я единственный. Я единственный.

Она раскрывает кулак, позволяет карандашу укатиться. Позволяет себе. Слушать больше некого, кроме этой треклятой девицы. По крайней мере, с закрытыми глазами можно увидеть что-нибудь другое. Вязкие черные крапинки. Водомерки мечутся туда-сюда. Туда-сюда. Красная река? Расплавленная река в аду. Гамак цепляется. Бумаги летят на землю. Мировые события, и собственность, и кино, и музыка лежат в траве. А еще спорт и короткие описания мертвых.

2

Звонок в дверь! Она, спотыкаясь, идет босиком по траве, оглушенная солнцем, осоловелая. Задняя дверь ведет в тесную кухоньку, выложенную яркой плиткой

в соответствии со вкусом прежнего обитателя. Звонок не звонит. Он закручен.

В текстурированном стекле смутно видно тело. Неправильное сочетание пикселей, которое есть Мишель. Между ее телом и дверью — половые доски коридора, золотистые в отраженных лучах солнца. Этот коридор может вести только к чему-то хорошему. Но женщина кричит ПОЖАЛУЙСТА и плачет. Женщина молотит в переднюю дверь кулаком. Отпирая замок, она обнаруживает, что тот останавливается на половине хода, цепочка туго натягивается, и в зазор просовывается маленькая рука.

— ПОЖАЛУЙСТА... боже мой, помогите мне... пожалуйста, мисс, я здесь живу... я живу здесь, пожалуйста, боже... откройте, пожалуйста...

Грязные ногти. Размахивает счетом за газ? Счетом за телефон? Просунулась в щель, мимо цепочки, так близко, что приходится податься назад, чтобы разглядеть то, что ей показывают. 37 Ридли-авеню — улица на углу с той, на которой живет она. Это все, что она читает. Перед ее мысленным взором мелькает Мишель, каким бы он был, находясь здесь, разглядывая прозрачное окошко конверта, проверяя достоверность. Мишель на работе. Она снимает цепочку.

Колени у незнакомки подгибаются, она падает вперед, не управляет телом. Девочка или женщина? Они одного возраста: за тридцать, под тридцать пять. Маленькое тело незнакомки сотрясают рыдания. Она рвет на себе одежду и воет. Женщина молит общество быть свидетелями. Женщина в зоне боевых действий, стоящая среди руин своего дома.

— Вы ранены?

Ее руки у нее в волосах. Ее голова бьется о дверную раму.

— Нет, не я, моя мама... мне нужна помощь. Я стучала во все эти ебанные двери... пожалуйста. Шар... меня зовут Шар. Я местная. Я живу здесь. Проверьте!

— Входите. Пожалуйста. Меня зовут Ли.

Ли предана этому району города на двух квадратных милях, как другие преданы своим семьям или своим странам. Она знает, как люди здесь говорят, знает, что «ебанный» здесь просто присловье, не имеющее смысла. Она помещает на лице выражение, обозначающее сострадание. Шар закрывает глаза, кивает. Она совершает быстрые неслышные движения ртом, разговаривает сама с собой. А Ли она говорит:

— Вы такая добрая.

Диафрагма Шар поднимается и опускается, теперь уже медленнее. Сотрясающие ее рыдания стихают.

— Спасибо, ладно? Вы такая добрая.

Маленькие ручки Шар цепляются за руки, которые ее поддерживают. Шар миниатюрная. Кожа у нее прозрачная и сухая, с пятнами псориаза на лбу и на челюсти. Знакомое лицо. Ли много раз видела это лицо на улицах. Особенность лондонских деревень — лица без имен. Глаза запоминающиеся. Вокруг темно-карей середины — чистая белизна. Сверху и снизу. Вид алчный, готовый поглотить все, на что она смотрит. Длинные ресницы. Такой вид у детей. Ли улыбается. Ответная улыбка пуста, без признания. Улыбка обаятельно нечестная. Ли — всего лишь добрая незнакомка, которая открыла дверь и не закрыла. Она повторяет: вы такая добрая, вы такая добрая, пока нить радости, пронзающая эти слова (для Ли, конечно, радость невелика), не обрывается. Ли отрицательно качает головой. Нет, нет, нет, нет.

Ли направляет Шар на кухню. Большие руки — на узких плечах девушки. Она видит, как поднимают-

ся ягодицы Шар, как натягиваются ее треники с закатанными штанинами, маленькая пушистая впадинка на спине, ярко выраженная, вспотевшая от жары. Крохотная талия открывает свой изгиб. Ли безбедренная, долговязая, как подросток. Возможно, Шар нужны деньги. Ее светло-серый спортивный костюм нечист. Позади правого колена в грязной ткани — большая дыра. Из разваливающихся шлепанцев торчат грязные пятки. От нее пахнет.

— Инфаркт! Я спрашивала у них, умирает ли она. Она умирает? Она умирает? Ее увозит «Скорая» — а я не получаю ответа. Никакого! У меня трое детишек одни там дома — я должна в больницу — чего это они говорят о машине? Нет у меня никакой машины! Я говорю, *помогите мне* — никто ни хера не делает, чтобы мне помочь.

Ли хватает Шар за руку, усаживает ее на стул у кухонного стола и передает сверток салфеток. Она еще раз кладет руки на плечи Шар. Их лбы чуть не соприкасаются.

— Насколько я понимаю, все в порядке? В какой больнице?

— Что-то типа... Я не записала... В Мидлсексе или... Где-то далеко. Не знаю, где толком.

Ли сжимает руки Шар.

— Слушайте, я не вожу машину... но...

Ли смотрит на часы. Без десяти пять.

— Может, подождете минут двадцать? Если я сейчас ему позвоню, он сумеет... или, может, такси...

Шар вытаскивает руки из рук Ли. Она прижимает костяшки пальцев к глазам, выдыхает полной грудью: паника прошла.

— Я должна быть там... никаких цифр... ничего... никаких денег...

Шар зубами отрывает кусочек кожи с правого большого пальца. Выступает капелька крови и сворачивается. Ли снова берет Шар за руки — теперь запястья. Вытаскивает ее пальцы изо рта.

— Может быть, Мидлсекская? Название больницы, а не места. По пути в Эктон, да?

Лио девушки задумчивое, глуповатое. Тронутое, говорят ирландцы. Может быть, она тронутая.

— Да... может... да, нет, да, именно. Мидлсекская. Так.

Ли выпрямляется, достает телефон из заднего кармана, набирает номер.

— Я БУДУ У ВАС ЗАВТРА.

Ли кивает, а Шар продолжает, словно и не замечая, что Ли куда-то звонит.

ОТДАМ ДЕНЬГИ. ПОЛУЧУ МОЙ ЧЕК ЗАВТРА, О'КЕЙ?

Ли подносит телефон к уху, улыбается и кивает, дает свой адрес. Изображает чашку чая. Шар этого не видит. Шар смотрит на цветущую яблоню. Она оттирает слезы с лица грязным рукавом. Ее пупок — плотный узел вровень с кожей живота, пуговица, вшитая в подушку дивана. Ли повторяет собственный номер.

— Порядок.

Она поворачивается к столику, берет свободной рукой чайник, чуть не роняет, потому что предполагала, что он пуст. Немного воды проливается. Она возвращает чайник на плитку и остается там, где стоит — спиной к гостю. Здесь нет места, чтобы нормально стоять или сидеть. Перед ней на длинном подоконнике, который тянется вдоль комнаты, некоторые вещи из ее жизни: фотографии, всякие безделушки, прах отца, вазы, растения, травы. В окне отражение Шар подводит маленькие голени к сиденью стула, обхватывает руками щиколотки. Волнение было менее неловким, более естественным, чем это. Эта страна не годится для того, чтобы подавать

чай незнакомому человеку. Они смотрят друг на друга в стекле. Есть добрая воля. Сказать им друг другу нечего.

— Достану чашки.

Ли называет все свои действия. Она открывает шкаф. Там полно чашек; чашки на чашках, на чашках.

— Хорошее место.

Ли слишком быстро поворачивается, делает руками неуместные движения.

— Не наше... мы снимаем... наше только это... наверху две квартиры. Общий сад. Это муниципалитет, так что...

Ли разливает чай, а Шар оглядывается. Нижняя губа выпячена, голова едва заметно кивает. Она напоминает агента по торговле недвижимостью. Теперь она подходит к Ли. На что тут смотреть? Мятая фланелевая рубашка в клетку, шорты — бывшие джинсы с неровно отрезанными штанинами, ноги в веснушках, босые — нелепая фигура, может, бездельница, которая может себе это позволить. Ли складывает руки на животе.

— Мило для муниципального дома. Много спален, и всякое такое?

Губа по-прежнему оттопырена. От этого она глотает звуки. С лицом Шар что-то не так, замечает Ли, ее смущает то, что она это заметила, и она отворачивается.

— Две. Вторая — просто коробка. Мы типа используем ее, как...

Шар тем временем начинает копать совсем в другую сторону; она медленнее Ли, но она теперь здесь, они здесь вместе. Она тычет пальцем в лицо Ли.

— Постойте... вы ходили в Брейтонскую?

Она, возбужденная, опускается на стул. Вероятно, что-то не так.

— Клянусь, когда вы говорили по телефону, я думала: я вас знаю, вы ходили в Брейтонскую!